

Андрей
Барabanщиков

1+1=1

Роман

Андрей Васильевич Барабанщиков

1+1=1. Роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23984653

ISBN 9785448514371

Аннотация

Роман представляет собой попытку привнести элемент детектива, саспенса и фантастики в конвенциональный «женский роман». В центре романа – существование и соединение двух независимых линий жизни одной женщины. Каждая из этих линий приводит к собственному финалу. Автор предлагает читателям выбрать один из них.

Содержание

1	5
2	8
3	11
4	17
5	20
6	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

1+1=1

Роман

**Андрей Васильевич
Барабанщиков**

© Андрей Васильевич Барабанщиков, 2017

ISBN 978-5-4485-1437-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

События, свидетелем которых я невольно стал, могут показаться неправдоподобными или даже нелепыми, но именно по этой причине я решил, что обнародование их есть единственный способ избавиться от тяжелых и странных мыслей, преследующих меня в последнее время. Мой психиатр заверил меня, что если я и вправду поделюсь своей историей с читателями, то мои шансы на выздоровление серьёзно возрастут. Чтобы прийти к нормальности, мне предстоит долгий и извилистый путь, а жизнь, напротив, слишком коротка, чтобы не воспользоваться, может быть, единственным шансом не закончить свои дни в доме со стенами желтого цвета.

1

Это был хороший ресторан. Не то, чтобы люди заказывали в нем столики за неделю или две, но иногда попасть в заведение было проблематично. Например, сегодня. Причина до банальности проста – пятница. Десятки страждущих и опустошенных от безделья предыдущих дней с понедельника по четверг включительно почему-то в одночасье решили сыграть в рулетку со своим здоровьем, подвергая печень и окружавшие её селезенку, желудок, почки и прочую анатомию из курса образовательной школы определённому риску встать на дыбы и проверить себя на прочность. В этой гонке на выживание с собственным организмом всегда присутствовал элемент трагизма и сакральности. Пятница давно уже стала ритуалом, символизирующим эволюционный апофеоз любой недели для не покладаящих рук трудящихся на почве бессмысленной траты своего времени. Напряжение в офисных электросетях на пятый день недели достигало такого уровня, что с легкостью могло бы обеспечить эффективную работу любых гаджетов без подзарядки.

Это разительно контрастировало с тем застоем и отсутствием любых физико-химических процессов в отдельно взятых помещениях по понедельникам. Офисы по всей стране напоминали процесс варки киселя и прочих подобных напитков. Едва тёплая вода, бесцветная каша забрасывается

в сосуд, а тебе ещё предстоит ждать образования пузырьков, способных довести своими движениями до изнеможения самого старика Броуна. Но до образования кисельной массы ещё очень далеко, и ты ждёшь окончания процесса, бесцельно и отрешенно смотря на ненавистное полуфабрикатное вариво.

Так и здесь. Ты превращаешься в готовое закипеть пойло только на пятый день недели. Правда, при этом предшествующие четыре дня не проходят бесследно – твои личные батарейки увеличивают запасы электролита, готового поджечь твои внутренние силы в момент, когда рабочая неделя закончилась, а зачатие новой ещё только произойдёт в выходные.

Тебе хочется только одного – выдохнуть фразу-крик от невероятных по своей насыщенности и тяжести безделия.

– Как же я устала! – звучало в Серпухове из уст молоденькой не по годам секретарши.

– Как же меня все это достало! – отзывался эхом Пензы старший менеджер по продажам пензенского воздуха жителям Тамбова.

– Это тебя достало, бессердечная ты тварь! – за несколько сот километров беззвучно выводил губами представитель тамбовской фауны, купивший вечером в четверг несколько литров чистого как кристалл пензенского кислорода у некоего менеджера из Тамбова. Воздух соседнего региона пьянил, манил и испарялся с пугающей скоростью.

Подобными репликами начинались и наши изнуритель-

ные пятничные разговоры с супругой в ресторанах, хотя степень выразительности и экспрессии отличалась. Жанна всегда была несколько скупа на выражение своих эмоций. Она достаточно редко улыбалась, хотя прекрасно знала, что любая улыбка придавала её удивительному лицу новых красок. Я же любил повторять подобные фразы по несколько раз, меняя лишь порядок слов. Смысл фразы всегда был един, но с целью убить как можно больше драгоценных минут моей жизни я менял подлежащие и сказуемые местами. Бессмысленность этого хода моего мозга не подвергалась сомнению вот уже много лет. Нужно было просто заполнять паузы в разговоре с любимым человеком. А кто, как не он, не будет обращать на истинность правила о неизбежности и ненужности процесса перемены мест слагаемых.

– Как же я устал! Боже, я так устал! Я устал за эту неделю! – разговор начался, и я в который раз порадовался своей вере в традиционализм.

– Я тоже устала. Все надоело. Ничего не хочу. Что мы закажем? – мне вдруг на секунду показалось, что в голосе Жанны присутствует некая тревога, в мгновение ока передавшееся мне. Так начался тот наш обычный пятничный вечер в любимом ресторане. Через пару минут к нам подошёл официант, обычно обслуживавший наш столик.

– Что желаете?

2

Разговор не клеился. Жанна выглядела расстроенной. Мне даже показалось, что на официанта она смотрела чаще, чем на меня или на блюда. Хотя нет, не расстроенной, а, пожалуй, отсутствующей. Её взгляд иногда останавливался на бокале вина, иногда на барной стойке, но чаще всего она смотрела куда-то за окно, словно боялась пропустить прихода какого-то важного для неё человека. Лишь пару раз мы встретились взглядами, на пару секунд – не более. На мои вопросы она отвечала более чем односложно. Чем больше я задавал вопросов, тем больше кивков или едва уловимых движений глаз я получал в ответ. Признаться, меня это насторожило. Обычно я любил эти пятницы – все-таки, это венчающее неделю действо стало уже традицией в нашей семье. Мало того, что мы встречались в ресторане, так мы ещё имели достаточно редкую возможность пообщаться друг с другом. Ну а что говорить про кухню заведения! По крайней мере, раз в неделю я имел дарованную самим течением жизни возможность будоражить свои вкусовые рецепторы и насыщать жирами и углеводами свое дряхлевшее, но явно не худое тельце. Оно с радостью принимало эти дары отечественного общепита, густо замешанные на радикальном перепроцессе европейских кухонь, но таковыми не являющимися в силу того, что местный шеф-повар все буквально видел в ином

свете, поскольку был неисправимым оптимистом-дальтони-ком.

– Что с тобой сегодня? Сегодня с тобой что-то не так! Мне кажется, с тобой что-то происходит! – я вновь пытался сделать тройную эмфазу на простом до умопомешательства вопросе. На четвёртую интерпретацию одного вопроса меня уже не хватило в силу ограниченного словарного запаса.

Хотя, признаюсь, я действительно почувствовал некоторое волнение. Почему-то из глубин сознания в тот момент пришла мысль о том, что моя Жанна вот-вот объявит мне о своём решении уйти к другому, предположим, к тому, чей вокабуляр превышал бы мой, по крайней мере, на 15 процентов. В сознании сразу нарисовалась картинка.

– Я уйду от тебя. – со сталью в голосе произнесла бы она. – Ты достал меня. Меня ты так достал вот этими бесконечными повторами. Он хотя бы молчит.

На последних словах моя пока ещё супруга слегка улыбнулась. Или мне показалось?

Моё воображение рисовало мне картины одна хуже другой. Мне вдруг причудилось, что я после приговора супруги, не дожидаясь официанта, почувствовавшего неладное и заподозрившего проблемы с неоплатной счета, бегом мчусь в ресторанный туалет, где гордо пытаюсь наложить на себя руки, как и подобает отвергнутому мужчине. Официант, тем временем, надеясь успеть получить по счёту и чаевые, элегантно галопом несётся в уборную, где свойственным всем

официантам вкрадчиво-наглым голосом интересуется у меня, понравилась ли мне стряпня шефа-дальтоника, тем самым, отвлекая меня от мрачных мыслей суицида.

Необходимость дать свои комментарии относительно дозы красного цвета и, тем самым, поднять себя в глазах официанта заставляет меня вернуться к своему столу и с усилием продолжить трапезу.

Слава богу, это всего лишь моё искаженное воображение. Взгляд Жанны вернул меня в вечер пятницы, в наш любимый ресторан.

– Так что сегодня с тобой? Что не так? Ты сегодня совсем не своя, – я внутренне обрадовался, что смог максимально синонимично задать один и тот же вопрос трижды.

Краем глаза я заметил официанта, подходящего к нашему столику.

– Как вам еда? Шеф сегодня особенно постарался. Ещё долмы? Или я могу вас рассчитать? – в глазах официанта читалась тревога.

– Спасибо. Долма сегодня особенно красна. Передайте шефу нашу благодарность.

Официант поклонился. На его лице тревога сменилась недоверием.

– Все нормально. Наверно, просто устала. Неделя была очень сложной. – голос жены окончательно вернул меня в реальность. Разговор продолжался. Вечер обещал быть насыщенным.

3

Я любил свою жену. Беззастенчиво, до онемения пальцев на отдельно взятой руке, до утра понедельника, когда раздавался её бодрый голос с предложением оставить тёплую постель, поднять свою задницу и развести детей по школам и детским садам, а заодно и её саму. Когда я задумывался о том, почему я любил Жанну, в голове начинала крутиться какая-то суцая нелепица. Здесь и набившие оскомину «потому что люблю», и «без тебя не мил мне весь белый свет» и прочая декадентская чушь эпохи доисторического идеализма. Я любил свою Жанну, не догадываясь, за что. Впрочем, если бы и догадался, никогда в это не поверил. Меньше думаешь, больше чтишь предмет своего поклонения. А Жанна была именно одушевлённым предметом полного поклонения. Я иногда ловил себя на мысли, что просто раболепствовал перед ней, позволяя супруге переходить подчас красную черту равноправия полов в семье. Ей позволялось все, а мне – все остальное. Небогатый выбор, прямо скажем, но именно этот дисбаланс в наших отношениях, как ни странно, был неким залогом их стабильности. Жанна была до бесконечности хороша, притягивая нескромные и скрытые взгляды широких социальных слоёв народонаселения от тинейджеров до любителей играть в домино в парковых зонах. Иногда в эти смотрины вклинивались и типич-

ные представители иных прослоек нашего классового общества. Её до неприличия прямые и длинные ноги на невысоких каблуках старательно оставляли следы на поверхности планеты, глаза цвета неправильного изумруда заставляли умирать от зависти светодиодные гирлянды под Новый год, волосы из нитей оттенка спелого каштана соревновались с пышностью свадебного платья, а тонкие запястья при изгибе рук вгоняли в краску даже выдавших виды любителей ходить налево. Жанна была чертовски хороша. И не это было главным. В сонм её достоинств также входил на паритетных началах её острый ум. Не то, чтобы она использовала его все семь дней в неделю – в выходные и государственные праздники ум супруги периодически ставился в режим ожидания, но в рабочие дни мозги моей супруги были на высоте.

А ещё запах. Боже, её запах. Именно так и должно пахнуть в раю. Если бы это было причиной прописаться там после окончания своей основной жизни, то я бы с лёгкостью и смиренном атеиста принял на себя грех уверовать в любую религию, став её адептом только для того, чтобы вдыхать аромат любимой женщины высоко за облаками.

Я любил Жанну. И по понедельникам, и в январе, и в первый день знакомства, и через пятнадцать лет после оно; в машине, в лесу за сбором грибов, у трапа самолёта, на палубе океанского лайнера, за выбором седьмого платья в модном магазине, во время экспресс-ругани из-за банальных пу-стяков, утром, ночью, на расстоянии, по телефону. Это чув-

ство давало мне шанс чувствовать себя нормально настолько, насколько могут себя чувствовать люди, считающие себя нормальными, находясь в экстремальных условиях. Это чувство любви придавало сил, заставляло двигаться, хотя иногда это значило пятиться назад; в конце концов, мои чувства по отношению к жене Жанне (я периодически так её называл) доставляли мне вполне осязаемые физические удовольствия.

Я очень боялся её потерять. Очень. Может, я боялся потерять все то, о чем сказал выше, может, это был обычный эгоизм, а, возможно, само осознание потенциальной угрозы потери любимого человека просто унижало меня как мужчину. Таких женщин терять было никак нельзя. С её потерей заканчивалась бы моя собственная жизнь, но в этом не было совершенно никакой патетики, поскольку я отдавал себе отчёт в том, что Жанна была высшей точкой моих достижений в части достижения успеха у женского общества. А, значит, пришлось бы, в случае её ухода, довольствоваться уровнем другой, более низкой лиги. И это в мои планы не входило – самолюбие вкупе с тщеславием и прибавившимся к ним завышенной оценкой себя любимого подобного позора могло бы не выдержать.

Я просмотрел на Жанну.

– Любишь ли ты меня, как я тебя? – мысль пронеслась и исчезла, пристыдив меня за такое свободомыслие. Лицо Жанны осталось на ноте до.

Ресторанная пятница заканчивалась. Салат съеден, остатки бальзамика превратились в просто точки на блюде, вино всасывалось в кровь и разносилось вихрем в капилляры, передавая своё тепло вялым мышцам, красная долма стояла колом.

Я попросил счёт, и официант не без гордости за себя и за шефа-дальтоника проявил чудеса скорости, появившись у стола с заветной для него бумажкой за пару минут. И именно этих двух минут мне хватило на мой самый, пожалуй, смелый вопрос за этот невнятный вечер. Все-таки, мне хотелось закончить его на мажорной ноте и показать себе, что мои пронизательность и красноречие ещё чего-то стоят, хотя бы в пределах предьявленного счета.

– Скажи, пожалуйста, мне всегда было интересно, а что бы ты сделала, если бы мы тогда, двадцать лет назад не повстречались?

Признаться, в тот момент мне показалось, что глаза Жанны на мгновение зажглись, словно она ожидала этого вопроса все эти двадцать лет. Пять или шесть секунд, перед тем, как она ответила, её лицо пережило явственную трансформацию от состояния безмятежности до глубокой заинтересованности и ответственности за свои слова. Было такое ощущение, что вопрос её задел, он понравился ей, показался действительно важным.

Я немного опешил. Я ждал обычного, ничего не значащего набора слов, но быстро понял, что готов услышать то, чего

меньше всего ожидал.

– Ну, думаю, что, наверно, уехала бы из страны. Из моей институтской группы так поступили почти все. Да ты и сам это знаешь. Кто-то вернулся, кто-то остался там. Нет, я бы уехала.

Действительно, на нашем инязе двадцать лет назад так делали многие. Далеко не все, но не могу сказать, что подобный вариант событий был редкостью. В страны изучаемого языка уезжали сразу после получения диплома. Я слышал множество историй. Та устраивалась гувернанткой в состоятельную семью, эта поступала в колледж, бывали и те, кто неведомым мне способом начинали работать в благотворительных организациях. Меня это не удивляло – в 90-х это было нормально.

Остаток вечера мы провели в говорящем молчании. Рабочая усталость, помноженная на алкоголь двухлетней выдержки, сделала своё дело – к 11-ти вечера мы, уложив детей, отдали себя на откуп здоровому сну без сновидений, по крайней мере, цветных.

Выходные, как водится, пролетели рейсом Аэрофлота из Москвы в Самару, без взлетов и, по счастью, без падений. Телевизор, обеды, улица, телевизор, лёгкий алкоголь, ссоры детей, телевизор, поздние обеды, ссоры детей, тяжелый алкоголь, телевизор, телевизор, кровать, телевизор. Мещанский выигрыш выпал на два дня, притупляя чувство реальности и отупляя серое вещество. Тонкая нить, свитая из субботы

и воскресенья, готова была рваться. Впереди светил маяк властителя следующих семи дней нашей жизни – его величество понедельник, полный страхов, тревог и вульгарной депрессии.

4

Старший сын сидел на диване. Рядом стоял ранец с бессмысленными учебниками и тетрадями. Десятилетний дитя находился в переходном периоде примирения с перспективой новой трудовой недели. Его глаза излучали неподдельный пессимизм. Младший, мечтательно зевая, неохотно натягивал колготки. Жанна спряталась в ванной, глазами разговаривая со своим отражением в зеркале. Неяркая помада, чуть-чуть туши для глаз и главный акцент на обустройство новой укладки. Этот процесс удавался супруге почти всегда. Или мне так казалось.

На экране телевизора мультипликационные монстры разных мастей кричали, вопили, делали друг другу гадости, неуклюже смеялись – в общем, жили своей мультяшной жизнью, хоть как-то скрашивая детям весь ужас приближающей рабочей недели.

Я тоже медленно одевался. Вот уже несколько лет этот ритуал копировал себя каждый понедельник. Часы показывали без малого 8.

Сперва я даже не обратил внимания на звонок. Городской телефон давал о себе знать крайне редко. К тому же, мелодии смартфонов подозрительно совпадали со звуками, который обычный городской телефон воспроизводил десятки лет до этого. Я очнулся лишь, когда старший подал голос.

– Пап, телефон!

– Пап, телефон! – эта фраза со скоростью звука проникла в моё сознание, задействовав все рецепторы.

– Странно, кого несёт в такую рань? – я постепенно приходил в себя. Моя рука легла на трубку старинного аппарата. Внутренне я уже собрался к утренней отповеди. Кто бы это ни был, он уже совершил, по меньшей мере, правонарушение, сломав обычный уклад. Никто в такую рань по понедельникам не звонил.

– Слушаю, – мой голос настроился на более высокие регистры.

Женский голос.

– Доброе утро! Будьте добры, я могу поговорить с Жанной?

Женский голос. Я слышал его. Часто. Очень часто. Очень знакомый голос.

– Жан, это тебя. Супруга приоткрыла дверь ванной. Её лицо выглядело слегка озадаченным и даже тревожным.

Женский голос. Я слышал его. Часто. Очень часто. Очень знакомый голос.

Супруга стремительно вышла из ванной комнаты, и, избегая встретиться со мной взглядом, с сомнением взяла трубку.

– Алло!

Минута разговора прошла. Жанна внимательно слушала. Глубоко вздохнув и слегка поджав губы, бросив на меня

немного, как мне показалось, колючий взгляд, сухо произнесла.

– Позвоните мне вечером, пожалуйста. Мне не совсем удобно сейчас. Я спешу.

Так началось то утро.

Мы вообще-то с Жанной познакомились случайно. Приятель уговорил меня пойти с ним в театр. Да, в театр. Случается такое. Давным-давно, ещё в эпоху стабильного апокалипсиса довелось мне устроиться на одну из местных радиостанций. Краснея и бледнея от одной мысли предлагать себя в качестве наёмного сотрудника, я, все-таки, уговорил себя прийти в их офис, где по пришествии был подвергнут скрупулезной аудио-визуальной проверке со стороны местных старослужащих, чей рабочий стаж исчислялся несколькими месяцами. На мои невнятные бормотания по сути вопроса о потенциальной работе в штате коллектива мне было дано понять, что мои возможные коллеги не очень стремятся видеть меня среди себя. Тем не менее, последнее слово оставалось за продюсером, произнесшим всего два слова.

– Ладно, пробуем.

В общем, принять меня приняли, но до сих пор у меня есть подозрение, что это выглядело как жест доброй воли и акт милосердия одновременно. Причём главным аргументом, как я думаю сейчас, склонившим чашу весов в мою пользу было наличие у меня пакетика с семечками, которые разошлись по карманам и рукам высокой аттестационной комиссии во время моего прослушивания, подчас принимавшего форму допроса.

Прошёл год моей работы на радио. Микрофон стал вторым я, диски и мини-диски подчас служили подушкой и подставкой под горячий кофе и быстрорастворимую еду, а кресло ди-джея – кроватью.

Работа во времена первого общенационального постдефолтья оплачивалась не слишком щедро. Заработанного едва хватало на мечту детей того времени – упаковку сока Юпи. Многие так и говорили.

– Как дела? Где работаешь? На Юпи хватает?

Вот как раз на Юпи и хватало. Юпи стал мерилом успеха и процветания. Фактически, по шкале удовольствий он вытеснил все остальные порошки всевозможных цветов. Вот так, весело, от Юпи до Юпи проживали мы свои дни, недели и месяцы.

Страна, тем временем, отходила от сильнейшего наркоза, постепенно приходя в чувство.

Одной из немногих привилегий работы в храме звуков и ФМ частот были контрамарки на посещение любых культурно-массовых мероприятий, проводимых в родном городе.

Пользуясь служебным положением абсолютно цинично, мы с коллегами постоянно зависали на дискотеках, закрытых кинопросмотрах, лекциях, показах, плавно переходящих в лёгкий фуршет и резко заканчивающихся банальной пьянкой.

Обычный апрельский день грозил быть похожим

на предыдущий апрельский день. Это не совсем входило в мои планы.

Утро было недоброе, несолнечное, непродуктивным, неудачным. Короче, у меня было серьёзное похмелье, доставшееся в наследство от посещения ночного клуба в предыдущий день.

Юрий, мой коллега по эфиру, замечательный диджей и неудавшийся в прошлом гангстер, старался изо всех сил помочь мне добрым матерным словом. Совместный утренний эфир уже подходил к концу, а мой язык, отказавший мне в способности правильно артикулировать звуки из-за невероятной сухости в рту, постоянно подводил меня при произнесении названий композиций, идущих в эфире.

– У меня есть пара контрамарок в театр. Пойдёшь? – Юра использовал последнее средство в борьбе с моим посталкогольным синдромом в надежде пробудить во мне доброе, разумное и, что греха таить, вечное.

– Там в буфете для информационных спонсоров фуршет намечается. Пойдём. Заодно и поправишься. – Юра мягко, но неуклонно настаивал на совместном времяпрепровождении вечером.

При упоминании слова фуршет я сдался. Кутузов сдал Москву французам, свято полагая, что вернёт Первопрестольную назад, а я сдал себя себе сам, не менее наивно полагая, что обрету душевное и физическое умиротворение после участия в фуршете.

Местный драматический театр был местом сборищ юных возвышенных и, как правило, одиноких девушек и, как второе правило, весьма приземлённых дам пост-бальзаковского возраста. Те и другие искали здесь отдушину в своих сомнительных жизнях. И те, и другие жаждали встречу с прекрасным. При все этом, театр посещала и третья категория лиц – маргинальные представители сильного пола. Последние, правда, посещали спектакли с другими целями.

Камерное настроение охватывало каждого уже при входе в этот храм академической культуры. Массивные лестницы, красные ковры с жестким ворсом, номерки на одежду из неведомого науке сплава, гранитные стены, сантиметровое стекло – все настраивало на встречу с прекрасным. Но у меня было ещё одно наблюдение. Мне всегда казалось, что в антрактах в буфете театра было гораздо больше людей, чем в самом зале. Возможно, это были всего лишь юношеские максималистские суждения, возможно, слабое знание основ элементарной математики или просто сила самонадеянности, но буфет областного театра, будучи по площади сравним с площадью самого зала, очень часто не мог вместить всех желающих отведать канэ с тёплой водкой или молдавским качественным вином. Что самое любопытное, после третьего звонка на вторую часть представления многие не выказывали очевидного желания возвращаться в зал. Обычно посетители театра после завершения антракта просили официанток повторить по пятьдесят или по сто с пор-

цией канапе. Женщины, тянувшие на себе нелегкую лямку служения Мельпомене на ниве разноса горячительных напитков и доставки бутербродов, никогда не сопротивлялись пожеланиям своих гостей. Напротив, служительницы театрально-ресторанной культуры вкладывали все своё усердие, все силы и все напряжение лицевых мышц именно в этот момент, когда второй акт неизвестной пьесы современного автора уже начинался в свете софитов.

Но мы отвлеклись.

– Какого черта! Театр!?! Ладно, я согласен, – моё сознание было готово к потреблению очередного шедевра местной режиссуры.

Вечер наступил, как и положено, по расписанию. Мы сидели в диджейской, готовясь ко встрече с прекрасным. Мой друг посмотрел на часы и, взяв со стола щетку для обуви, стал тщательно начищать туфли. Я посмотрел с некоторой укоризной на Юру, и, надев куртку, поплёлся за моим другом навстречу судьбе.

Жанна сидела в полном одиночестве. Один из последних рядов. Вокруг ни души. Считая про себя ступени, я спустился в зал, где в нерешительности остановился, пытаюсь понять, где были наши места, указанные в контрамарках.

Несмотря на то, что на них был указан второй ряд, я остановился глазами на верхней части партера.

– Ты глянь, какая фифа! – за что я любил Юру, так это за его точные формулировки.

– Идем, идем. С ней сядем, – мой соведущий слегка толкнул меня локтем, не давая шанса сориентироваться. Мне не оставалось ничего кроме, как последовать за ним.

– Вы не возражаете, мы присядем рядом? – с очевидной мартовской интонацией Юра поинтересовался у неизвестной девушки.

– Пожалуйста, – чуть слыша, ответила юная любительница провинциальных постановок.

Юра сел справа от неё, я по другую сторону. Лицо девушки мне показалось знакомым.

Через месяц мы поженились.

6

Накрапывал холодный дождь со снегом. Дети дежурно, но тихо спорили друг с другом сзади. Никто не хотел уступить в вопросе, кто же выиграл последнюю партию в шашки. Двигатель машины слегка ворчал при нажатии на педаль газа, дворники беспардонно убирали сизые капли с лобового стекла. В салоне пахло недосказанностью и неопределённостью. Даже освежитель воздуха был бессилён рассеять этот неприятный запах.

– Кто это был? – сдался я через десять минут езды.

– Я что-то не узнал её. С работы кто-то? – я пытался ответить за Жанну.

Она слегка повернула лицо вправо, смотря на дорогу, и тихо произнесла.

– Да нет. Старая знакомая.

– Насколько старая? – не унимался я. – Насколько знакомая? – мне иногда нравились мои шутки.

– Просто знакомая. – в голосе супруги послышались стальные нотки. – Давай потом.

Моё любопытство в этот момент превалировало в моем сознании. Степень знакомства неизвестной звонящей по утрам женщины волновала моё замутнённое сознание.

– Потом, значит, потом. – я почувствовал, что моё более или менее позитивное настроение на этот день безвозвратно

испарилось в исчезающем озоновом слое планеты. Я почувствовал себя одиноким и обиженным.

Этот ритуал развоза детей и жены по местам их вынужденного пребывания повторялся уже несколько лет.

Небольшой провинциальный город медленно выходил из вечной полудремы, пытаясь встать на ноги. Общественный транспорт неспешно поглощал ожидающих на остановках граждан, периодически открывая двери и выплевывая очередную порцию добравшихся до места назначения. Следуя закону сохранения энергии, в образовавшийся вакуум салона изношенных автобусов, троллейбусов и трамваев влезала новая партия сознательных жителей города, стремящихся не опоздать хотя бы на пятнадцать минут к месту отбывания своей трудовой повинности.

Люди усиленно делали вид, что работали, а работодатели притворялись, что достойно оплачивали труд своих наемных работников. Плоды труда последних обычно радовали все заинтересованные стороны – прорывов не происходило, но не было также и очевидных сбоев. Такая стабильность радовала и давала надежду на уверенный нулевой рост в будущем.

Тем не менее, из труб котельных под небольшим углом поднимался полупрозрачный дым, тротуары подвергались выборочной чистке, а грузчики в магазинах на автомате загоняли внутрь подсобок прибывший товар, готовый перейти к потребителям на взаимовыгодной основе.

В детских садах лица дошкольного возраста играли в Лего, дочки-матери и вечную войнушку. Воспитательницы пенсионного и постпенсионного возрастов постоянно и устало повышали голоса в адрес наиболее активных детишек, стремясь ограничить их деятельность на корню. В школах ребята постарше каждые пять минут сверяли время, считая в уме количество минут до звонка на перемену, причём частенько эти расчёты были неверными. Что любопытно, учителя были погружены в тот же самый процесс – желание дотянуть до звонка было у всех одинаковым за ним исключением – учителя, все-таки, вычисляли остаток времени до конца урока без ошибок.

Тем не менее, по-прежнему светило солнце, иногда уходя на отдых за серые облака. Пятна лазурного неба придавали пестроту общему пейзажу, заставляя улыбаться хотя бы в душе каждого, кто в это мартовское утро поднимал глаза выше уровня полутора метров.

Жанна дежурно поцеловала меня, слегка улыбнулась и, одернув короткое платье, вышла из машины. Её длинные ноги, которыми я всегда любовался, скрылись под шубой и уверенно двинулись в сторону бизнес-центра, где располагался офис компании, где она работала последние пять лет. Это было большое и уважаемое столичное издательство с дополнительным офисом в нашем городе, издающее огромный объём литературы разных форматов и направлений. Должность супруги, как и многих её коллег, подразумевала посто-

янные контакты с большим количеством людей со всей страны. Это были авторы учебников, научных работ, монографий, прочей скучной лабуды. Каждый из них был одновременно гениален, скучен и надоедлив. Гениальность свою авторы неизменно подчеркивали в каждом своём письме, навевая невыразимую скуку для читающих их произведения, написанных словно под копирку. В свою очередь, сотрудники издательства считали всех своих авторов надоедливymi, поскольку последние имели наглость беспокоить издательство чаще, чем два, а то и три раза в месяц.

Жанна открыла двери офиса, села на своё место и, вместо привычного утреннего чая с разговорами, сразу включила ноутбук. Зайдя в известную социальную сеть, она набрала в поиске на французском своё имя и добавила фамилию Londelle. Jeanne Londelle. Поисковик выдал единственный результат, рядом с которым высветилась крохотная фотография владельца аккаунта. Жена, ощутив волнение, нервно кликнула мышью. С экрана на Жанну смотрело её зеркальное отражение. Другая укладка и более светлый цвет волос, более спокойный цвет помады и да, абсолютно другой стиль в одежде. Но это был полный двойник моей Жанны. Та же мягкая улыбка, которая свела меня с ума много лет назад, ресницы на четыре спички, чуть выдающиеся скулы и блеск глаз неправильного изумруда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.